

Ал.А. Громыко
Директор Института Европы РАН
член-корреспондент РАН

БРИКС+ — КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ РАЗВИТИЯ

В третье десятилетие XXI века БРИКС (с 2024 г. — БРИКС+) вошёл в качестве важной константы международных отношений и системы глобального управления. Позади 18 лет развития, в результате которого членство этого престижного клуба выросло с четырёх до десяти. Среди новых участников и Саудовская Аравия, власти которой, приняв принципиальное решение о вступлении, предпочитают вариант постепенного вовлечения королевства в деятельность различных структур БРИКС+. Ещё несколько десятков государств мира стремятся стать либо его полноправными членами (в том числе Алжир, Пакистан, Бангладеш, Венесуэла), либо получить статус наблюдателя.

Для России успехи БРИКС+ особенно важны, так как наша страна стояла у истоков его создания и во многом была его основным творцом. Концептуально корни объединения уходят во вторую половину 1990-х гг., когда Москва продвигала идею стратегического треугольника «Россия — Индия — Китай» (РИК). Ретроспективно можно утверждать, что впоследствии РИК разросся до БРИКС+, как и то, что объединение, созданное в 2006 г., вобрало в себя РИК. Фальстарт при его расширении произошёл лишь однажды, когда в декабре 2023 г. Х. Милей, новый президент Аргентины, отозвал заявку своей страны на вступление.

БРИКС+ имеет ярко выраженное межцивилизационное измерение, а последнее в свою очередь — неотъемлемая характеристика

полицентричного мира. Обращает на себя внимание и географическая пестрота, что подчёркивает — в современном мире дистанция, разделяющая партнёров и единомышленников, не имеет такого принципиального значения, как на протяжении почти всей истории человечества. Цивилизационная характеристика тесна связана с категорией суверенитета, которая во многом определяет мировоззрение государств, создавших БРИКС и присоединившихся к нему позже.

В каком-то смысле БРИКС+ — это надынтеграционное объединение, но не внеинтеграционное. Он не является классической межгосударственной или международной организацией, тем более интеграционным союзом. В него входят страны, которые участвуют в различных структурах, не обязательно пересекающихся друг с другом (ЕАЭС, ШОС, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Африканский союз, Меркосур и т.д.). В то же время, безусловно, БРИКС+ имеет очевидные интеграционные элементы, проистекающие из самой мотивации участия в нём, — координировать, согласовывать свои действия в двухсторонних и многосторонних форматах. По мере развития объединения, его клубный характер начинает сочетаться с созданием структур, которые имеют институциональные черты, например, саммиты, различные постоянно действующие форумы, или являются полноценными международными организациями, как Новый банк развития.

Объединение растёт не только количественно, но со временем начинает исполнять функции, которые раньше с ним не ассоциировались. Особенно после своего последнего расширения БРИКС+, во-первых, начинает напоминать неформальный рупор глобального Юга, и, во-вторых, играть роль эффективного связующего звена между Россией и не западным миром. Бросается в глаза инклюзивная природа этого международного клуба, что проистекает уже из того, что членами объединения могут быть государства с непростой историей отношений,

например, Китай и Индия. В представление о данной инклюзивности не вписываются только страны коллективного Запада, но не из-за природы БРИКС+, а из-за своей собственной позиции в отношении него. Несомненно, с геополитической точки зрения, Запад относится к БРИКС+ как к конкуренту, и ревностно следит за развитием того, кого воспринимает в качестве альтернативной модели международного сотрудничества. В то же время само объединение нельзя назвать антизападным с учётом тесного экономического и политического взаимодействия большинства его участников с западными странами и организациями.

Справедливо говорить о том, что развитие БРИКС+ является отражением перемещения центра тяжести мировой экономики в Евразию. Но представляется, что сводить всё к этому фактору было бы неправильно и снижало бы роль объединения в мировой политике. Она шире, чем отражение новых маршрутов экономических и финансовых потоков. Не менее важно значение БРИКС+ в качестве своеобразной исследовательской лаборатории по повышению эффективности механизмов глобального управления и регулирования или даже их перестройки. В этом смысле вполне обоснованно говорить об устремлённости объединения в будущее, тогда как многие действия коллективного Запада воспринимаются в мире как желание цепляться за прошлое.

Клубный, неформальный характер свойственен и ряду западных структур, в первую очередь «большой семёрке». Однако она представляет собой то, что так резко отличает её от БРИКС+, — противопоставление себя другим, консолидация на основе эксклюзивности и англосаксонского ядра, готовность вводить или координировать санкционные режимы против тех, кого Запад идентифицирует как противников и конкурентов, неприятие представления о мире как о многообразии культур и цивилизаций в пользу примитивного подхода «свой-чужой» и «демократии

против автократий». Конечно, и у «большой семёрки» существует свой формат «аутрич» — приглашения на заседания представителей незападных государств. Но, по сути, это происходит в качестве функции всё тех же базовых установок коллективного Запада по защите удобного прежде всего для него «мира, основанного на правилах» и напоминает перетягивание каната с целью снижения количества тех, кто дружит с «неправильными» государствами.

Представление о гуманистических ценностях, включая определённые морально-нравственные принципы, берущие начало в христианстве, было порождением европейской цивилизации. Однако так распорядилась история, что многие из тех ценностей и мировоззренческих подходов стали восприниматься на европейском Западе в качестве ценностей «традиционных» с коннотацией — ретроградских, не современных, не прогрессивных. В современном мире во многом складывается ситуация, когда в большей степени уже БРИКС+ и другие наиболее преуспевающие страны глобального Юга берут на себя защиту гуманистических ценностей, тогда как коллективный Запад продвигает радикальные и псевдолиберальные установки, причём уже не только социальные, но и социально-экономические.

Последнее проистекает из увлечённости европейского Запада, переросшей в наваждение, зелёными технологиями и безапелляционной веры в непогрешимость антропогенной версии изменения климата. Казалось бы, энергопереход и «зелёный курс» — прогрессивная вещь. Но изнанка этого наваждения — одержимость технологиями. Только если раньше улучшение жизни подразумевало использование технологий ради создания общества потребления и изобилия, то теперь другие, ещё более изощрённые и дорогие технологии направлены на то, чтобы фактически лишить людей их прежнего достатка и комфорта, причём и в индустриальном, и в постиндустриальном понимании.

Что касается внешнеполитических подходов, то при сравнении коллективного Запада и БРИКС+ они словно меняются местами, если рассуждать с точки зрения традиций и новаций. Очевидно, что ретроградной, конформистской является внешняя политика именно коллективного Запада, когда ставка делается на принуждение, силовое воздействие (будь то с помощью «мягкой силы» или жёсткой), санкционные режимы, мегафонную дипломатию, информационное противостояние, сохранение статус-кво. Контрастно с этим выглядит то, что пропагандируют БРИКС+ и многие другие государства глобального Юга: реальную многосторонность, суверенное равенство, учёт интересов другу другу, уход от блокового мышления, отказ от философии вестернизации, притворяющейся востребованной всеми модернизацией, и т.д.

Преимущества и недостатки свойственны и классическим международным организациям с международной правосубъектностью, таким как ООН, Африканский союз, Организация исламского сотрудничества и др., и клубным форматам (БРИКС+, «группа семи», «группа двадцати», N5 и др.). У первых есть свои уставы, разветвлённые органы управления, юридически прописанные права и обязанности, и, по факту, это пирамидально выстроенные структуры. У вторых — большая гибкость, возможность ситуативного сочетания двусторонних и многосторонних треков, консенсусный характер решений, примат добровольности и доверительности. Существует и немало организаций промежуточного характера, как, например, ОБСЕ, которая так и не обзавелась своим собственным уставом.

Особняком стоят, во-первых, региональные интеграционные объединения, которые формируются вокруг общих зон свободной торговли, таможенных союзов и общих рынков. Среди них наиболее чётко отстроенный — Европейский союз, у которого до вступления в силу

Лиссабонского договора в 2009 г. не было даже процедуры выхода страны-члена из его рядов. Во-вторых, военно-политические блоки с естественными для них формализованными структурами управления, дисциплиной и юридически закреплёнными правами и обязательствами.

Уникальными чертами и свойствами обладает Организация Объединённых Наций как единственная в своём роде универсальная и общепризнанная межгосударственная (межправительственная) международная организация. Есть образования континентального масштаба, как, например, Африканский союз, Сообщество американских государств, Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна и др. Большинство межгосударственных объединений и интеграционных проектов носят региональный характер. БРИКС+, безусловно, выделяется на этом фоне, так как включает представителей сразу нескольких континентов в Восточном и Западном полушариях Земли.

Центробежные и центростремительные процессы есть в организациях всех перечисленных категорий, и проблема целостности и консолидированности той или иной структуры решается в каждой из них по-разному. Для Евросоюза брекзит — выход Британия из рядов регионального интеграционного объединения — был крайне болезненным процессом. Для БРИКС+ отзыв Аргентиной заявки на вступление в него не стал заметной проблемой. Конечно, и для клубных форматов важно наличие внутренней структуризации. Сколько бы в будущем государств не вступило в БРИКС+ помимо участвующей в нём «десятки», системообразующим для него всегда будет участие России, Индии и Китая. Выход любой из них из объединения стал бы его версией брекзита. В БРИКС+ отсутствуют страны или их внутренние группировки, которые рассматривают другую часть участников как системных противников и объектов для наложения рестрикций и против которых в региональных вооружённых конфликтах они готовы вести прокси-войны. В другом

клубном формате — «группе двадцати» — ситуация иная, так как входящие в него страны «группы семи» придерживаются блоковой дисциплины и занимаются открытым саботажем в отношении деятельности некоторых стран-участниц.

БРИКС+ не является гармоничной целостностью, имеет свои внутренние линии напряжения, но предлагает настолько внушительные консолидирующие стимулы, что противоречия отходят на второй план. В то же время перед объединением стоят значительные вызовы, особенно в первые годы после произошедшего масштабного расширения. С учётом того, что в двери БРИКС+ стучатся государства, количество которых намного больше, чем в него входят уже сейчас, встаёт вопрос о важности сохранить устойчивость «клуба», его способность к эффективным действиям в рамках принимаемых решений. Одновременно важно найти устраивающие всех форматы привлечения к деятельности БРИКС+ широкого круга субъектов международных отношений. В свете этого высоко востребованным будет оставаться статус государства-наблюдателя, как, возможно, и статус ассоциированного членства.

Для объединения наверняка будут характерны методы «разноскоростного движения» и «изменяемой геометрии», с помощью которых заинтересованные государства могут быстрее реализовывать те или иные проекты без необходимости заручаться их поддержкой со стороны всех участников «клуба». Эти методы вполне опробованы, в том числе в истории ЕС, чтобы применять их в БРИКС+ выверенно и с учётом уроков других структур. Когда международная организация живёт в условиях добровольной смиренной рубашки в виде жёстких требований к членству и развитых наднациональных органов, как в ЕС, то «разноскоростное движение» чревато внутренним расслоением, созданием конкурирующих группировок, появлением центра и периферии, государств

первого и второго сорта. В БРИКС+ такие риски на данном этапе развития не просматриваются.

Конечно, увеличение численности любого межгосударственного объединения не может не приносить определённые сложности и процедурного, и содержательного характера. Но представляется, что в случае БРИКС+ процесс расширения влечёт намного больше положительных моментов, включая более устойчивые внутренние балансы, компенсирующие асимметричный вес в объединении России, Индии и Китая. За количественным расширением БРИКС+ со всей очевидностью стоят качественные параметры. Каждая из стран-участниц вносит в копилку «клуба» свою добавочную стоимость. Например, Пекин предлагает стратегию «Пояса и пути»; Нью-Дели — коридоры «Индия — Ближний Восток — Европа» и «Север — Юг»; Москва — сырьевые ресурсы, сотрудничество с Евразийским экономическим союзом, континентальные транспортные коридоры, свои компетенции в сфере мирного атома и энергетики, в перспективе — транспортную артерию Северный морской путь; Бразилия — свои лидерские позиции в Латинской Америке; Иран, ОАЭ и Саудовская Аравия — передовые позиции на мировых рынках углеводородов, а последние два государства — также свои масштабные инвестиционные возможности.

Для БРИКС+ будет важно продолжать позиционировать себя в качестве объединения, которое не стремится к конфронтации с другими и не рассматривает себя как альтернативный механизм глобального управления и регулирования. В БРИКС+ уже немало стран и Евразии, и других континентов, которые не стремятся противопоставлять себя коллективному Западу и рвать с ним отношения. Они по-прежнему не расценивают экономическое и финансовое взаимодействие с ним, как зависимость. Многие действительно заинтересованы, например, в диверсификации валютных резервов, но не ставят перед собой цель по

дедолларизация мировой торговли. Напротив, базирование БРИКС+ не на философии «игры с нулевой суммой», а на предоставлении государствам-участникам и потенциальным членам «клуба» дополнительных конкурентных преимуществ в торговле и сотрудничестве с любыми внешними игроками по их выбору, — важный козырь в сохранении привлекательности объединения на много лет вперёд.